

ВАСЯ

(дети и война)

Владимир Брунов

Он сидел на берегу Байкала против длинных удилещ и обречённо смотрел на мёртвые поплавки. Сухой, седоволосый, высокий дед. Я подошёл.

- Что, отец, не клюет?

- Нет, не клюет, - ответил он, вскинув на меня белёдые, словно выцветшие глаза.

И по акценту и по виду его я понял, что передо мной иностранец.

- Откуда вы? - спросил я, подсаживаясь к нему.

- Я немец, - ответил он.

- О-о-о, там, наверное, рыбалка получше, чем у нас, там клюет, - сказал я.

Немец опять вскинул на меня глаза и усмехнулся.

- Там рыбалка не та, и рыба не такая, - сказал он.

- Отчего же?

- Там слишком много посредников между тобой и рыбой: удочки - пожалуйста, какие хочешь. И червяка могут насадить, и даже рыбу на крючок подвешат, какую хочешь. Там на каждой рыбе бирка: сколько сантиметров, какой вес и сколько стоит. Там ты несвободен. Все регламентировано. Здесь, в России, я могу спокойно поставить палатку на берегу Байкала или в лесу, и никто не придёт и не заявит: это мой берег, мой лес, убирайся! Здесь я чувствую себя свободным. Я напитываюсь этой свободой. Я не чувствую здесь себя кроликом, загнанным нашей хищной системой в угол. У нас там нет выбора. Здесь - пожалуйста. Вы, русские, просто не цените то, что имеете, и потому пытаетесь жить так, как на Западе. Вы просто не знаете, к чему стремитесь. Вы не жили там, и вам не с чем сравнить. Все те ценности и блага, которые пропагандирует Запад, это только красивая реклама, обещающая рай. Не обольщайтесь. Здесь вот: я и Байкал, я и рыба. Захочет - клюнет. Если поймаю, то в моей воле отпустить её или сварить из неё уху. Я свободен в поступках.

Услышать такое от иностранца было для меня полной неожиданностью.

- И часто вы бываете в России? - спросил я.

- Я люблю Россию, - сказал немец.

- Мне приятно слышать это от вас, - сказал я, - но одно непонятно: обычно все ругают Россию, считая её «дикой» страной.
 - Я много путешествовал, - сказал немец, - объездил большую часть мира, но нигде такого народа, как в России, не встречал. Вы особый народ, у вас другая душа, другой, особый дух. Я напиваюсь им, когда бываю в России, и мне хватает этой зарядки на год, иногда больше.
 - Тогда почему бы вам совсем не переехать в Россию?
 - Я немец, я по духу немец, потому что воспитывался в той среде. Я никогда не стану русским, сколько бы здесь ни жил. Это нужно родиться здесь, жить и воспитываться в этой среде.
 - Да, убедительно, - сказал я, - вы, наверное, профессор философии?
 - Нет, я инженер-механик. Когда-то давным-давно, когда Вас ещё на свете не было, будучи студентом, я приезжал в Россию. Мы дружили с русскими студентами. Отсюда и русский язык я выучил. Но связывает меня с Россией не это, а война. Я воевал против вас. Был солдатом вермахта. И тогда я впервые узнал, кто такие русские.
- Он замолчал и посмотрел на меня выжидающе. Но я промолчал.
- Однажды наша резервная часть зашла в русский городок, который был разрушен нашей артиллерией и авиацией полностью, продолжил он. От домов и зданий торчали остовы. Всё взрослое население городка или сбежало, или было убито. Городок казался мёртвым. Мы стояли здесь неделю, и за это время я не видел ни одного гражданского человека. Как-то при дележе мне не хватило продовольственного пайка, и я пошёл на склад, чтобы получить его. Иду я мимо развалин и вдруг вижу, на глыбе из-под фундамента сидит парнишка лет 10–11 в телогрейке, в суконных штанах, на ногах кирзовые сапоги. А у меня всегда при себе была шоколадка, на всякий случай.
 - Эй, мальчик, - позвал я, - иди сюда, на шоколадку.

Он посмотрел на меня ненавидящим взглядом и не тронулся с места. «Не возьмёт, - понял, - умрёт, а не возьмёт». Тогда я сам подошел к нему и положил шоколадку возле него на камень.

Через некоторое время возвращаюсь назад с пайком и вижу такую картину: вокруг паренька собрались семеро малышей от трёх до пяти лет, не больше. И он делит им эту шоколадку. Увидев меня, малыши насторожились.

- Не бойтесь, - успокоил их паренёк, - это добрый немец.

Разделил, а себе, вижу, не взял ни крошки.

- Что же ты себе-то не отломил? - спросил я.

- Я не хочу, - ответил он.

- Но ты же голоден, я вижу: кожа, глаза да кости остались.

- Я не могу есть, пока они голодные, - сказал он. - Они еще очень маленькие и всегда хотят есть. А я потерплю, пока наши не придут.

Что-то всколыхнулось у меня в груди. Я снял свой ранец и вытряхнул все содержимое перед парнишкой. И увидел, как он побледнел.

- Вас как звать? - спросил он.

- Курт.

- А меня Вася. Спасибо, дядя Курт.

Детишки ошалело смотрели на кучу продуктов, и я думал, что они вот-вот бросятся на них и начнут запихивать себе в голодные рты хлеб, колбасу, шоколад. Но они стояли молча, глядя на продукты, на Васю, на меня. Наконец Вася достал из-за пазухи тряпицу, разостлал её на камне, вынул из кармана штанов складнишок, взял булку хлеба, разрезал её на ломтики по количеству детишек. Потом взял кусок колбасы и сделал то же самое. Ребятишки стали подходить к нему, и он раздавал им хлеб и колбасу.

- А себе, Вася, почему ты себе кусочек не оставил? - удивился я.

- Я потерплю, - сказал Вася, - я не могу есть, пока они голодные.

- Но ты же умрешь так с голоду.

- Я не умру, я обязательно дождусь своих. И им не дам умереть, - сказал он, кивая на детей.

Я ожидал, что эти изголодавшиеся крохи мигом проглотят свои кусочки. Но то, что я увидел, потрясло меня. Они откусывали по маленькому - маленькому кусочку хлеба с колбасой и долго-долго жевали. Видимо, так учил их Вася. А одна малышка, съев примерно половину своего пайка, подошла к Васе.

- На, Вася, ешь, я наелась, больше не хочу.

Слезы сами собой покатались из моих глаз. Я побежал оттуда, чтобы дети не видели, как я плачу.

Я увидел, как из выцветших глаз старика потекли слёзы. Он достал из куртки платок и стал вытирать их, пытаясь улыбнуться мне.

- Вот видите, как глубоко сидит, - показал он на грудь, - не могу вспоминать

без слез. Будь проклята любая война, и пусть будут прокляты вовеки те, кто развязывает войны, кто сеет вражду и ненависть между нами. Курт вытер слёзы, высморкался в платок и успокоился.

- С тех пор я стал собирать кусочки хлеба, колбасы, любые остатки пищи и носить их Васе. Мои товарищи смеялись надо мной. Они знали, что я очень любил собак. «Русских собак кормишь?» Если бы они знали, каких «собак» кормлю, меня бы, наверное, расстреляли, а детишек отправили бы в Германию или в концентрационный лагерь.

Когда наша часть стала отступать из города, я забежал к Васе попрощаться. Вместо семи я увидел пятнадцать малышей. Где только он их отыскал? Они сидели в подвале и что-то хлебали жидкое из алюминиевых чашек. Видимо, Вася умудрялся им что-то из чего-то варить. Я отдал ему накопленные продукты и обнял на прощанье. Он не сопротивлялся.

- Вася, как бы я хотел, чтобы у меня был такой сын, - сказал я ему.

- Дядя Курт, а вы приезжайте к нам в гости, когда кончится война, и мы победим, - сказал он.

И вдруг я почувствовал, как кто-то тихо дергает меня за штаны. У моих ног стояла та самая малышка, что предлагала Васе свой кусок хлеба.

- Дядя Курт, возьмите подарок, - пролепетала она, и протянула мне вот эту куклу, видимо, самое дорогое, что у нее было. Вот она.

Курт расстегнул куртку и достал из внутреннего кармана против сердца маленькую тряпичную куколку, в какие играли еще наши бабушки и прабабушки. Я протянул руку, чтобы взять её и рассмотреть поближе. Но Курт горячо запротестовал:

- Нет, нет, нет, я никому её в руки не даю, никому. К ней прикасались только руки той девочки и мои. Это моя святыня, моя память. Она постоянно со мной. Я даже спать ложусь с этой куклой. Когда я беру её руки, то вижу глаза той девочки: большие, голубые. Это был не человек, это был ангел во плоти.

- И что, приезжали в этот городок, пытались найти Васю? - спросил я.

- Да, пытался, но у кого бы я ни спрашивал, никто не знал ни про Васю, ни про ребятшек. Видно, пришли после нас русские, определили малышей по детдомам. А Васю скорее всего в госпиталь. Я надеюсь, что он всё-таки выжил. И куда его увезли, одному Богу известно. А о том, что он спас пятнадцать детей, Вася, видимо, никому не рассказывал. К тому же в вашей стране это, наверное, не такой уж исключительный случай. Если бы Гитлер

был знаком хотя бы с одним таким парнишкой, как Вася, он бы никогда не пошел воевать против России. Народ, у которого такие дети, победить нельзя.

- А как вам нравится Россия после перестройки? - спросил я.

- Совсем не нравится, - сказал Курт.- Вы становитесь похожими на нас: такими же расчетливыми, рациональными. Бабушка, которая раньше могла усадить за хлебосольный стол и истопить баньку запросто так, от души, теперь считает каждое полено. И если ты иностранец, то тебя пытаются ободрать как липку. Теперь, чтобы напитаться вашим духом, я еду всё дальше и дальше от центра, в глубинку. Здесь ещё жив русский дух. Плыву я, например, на катере по Байкалу, дарю матросу значок с видом моего города, а он мне взамен снимает с рук позолоченные часы и тоже дарит на память. Наши, европейцы, так бы никогда не сделали, а русские могут. Русский народ - особый народ. Нельзя его подминать под рынок и тем более пытаться уничтожить, как это огласила однажды госпожа Тэтчер. Русский народ - это душа мира, это совесть мира, это дух мира. Уничтожь Россию и мир рухнет.

Слова немца тронули меня до глубины души. Я встал, он тоже поднялся, и мы крепко обняли друг друга.

- Спасибо тебе, отец, за душевные слова про нас, за детей, за Васю спасибо. Старик опять прослезился.

- Ну вот, подпитал и ты меня духом своим, - сказал он, вытирая слезы. - Теперь год-два еще протяну. Мне уже скоро девяносто стукнет. Всем говорю, что мне за семьдесят. И люди верят. А я уже дни считаю. Всё надеялся Васю встретить. Каким он стал? Как сложилась его судьба? Не довелось. Теперь только Там, - и он показал на небо. Я стал часто видеть его во сне. И почему-то таким же мальчишкой, каким я видел его в последний раз.

- Долгих лет жизни тебе, отец, - сказал я.

И, отвернувшись, быстро пошел вдоль байкальского берега. Я не хотел, чтобы этот человек видел мои слезы. Русские не любят, когда их слезы видят другие.

Мена
 умерла
 в 12:00 час
 утра
 1941

Бабушка
 умерла
 25 мая
 30 июня
 1942

Лека
 умер
 17 мая
 05 декабря
 1942

Дядя Ва-
 сень умер
 в 13:00
 22 мая
 1942

Дядя
 Мена
 10 мая
 04 июня
 1942

Мама
 в 13 мая
 в 7:30 час
 утра
 1942

Савире -
 бее
 умер -
 ми

умер -
 ан
 бее

отмираю
 огня
 Тина

ДОРОГОЙ ПАПЧКА
Я СЕЙЧАС БОЛЬ-
НОЙ ПОЗДРАВЛЯЮ
ТЕБЯ С НОВЫМ ГО-
ДОМ ЖЕЛАЮ ТЕБЕ
ЗДОРОВЬЯ У МЕНЯ БУДЕТ
ЁЛКА. ПРИЕЗЖАЙ СКО-
РЕЙ. МАМКА ТОЖЕ БОЛЬ-
НА ОЧЕНЬ. Я УЖЕ УМЕ-
Ю ЧИТАТЬ. ПИШИ МНЕ

ТОЛЬКО ПЕЧАТНЫМИ
ТЫ НЕМЦОВ ВИДЕЛ?
Я Б ИХ ВСЕХ ПОУБИВАЛ
ЦЕЛУЮ КРЕПКО
ТВОЙ ЮРА

НЕ СПАСТИСЬ ТЕБЕ, ФАШИСТ!

*Ты, фашист, сжигаешь села,
Ты, как волк, кусаешь злой.
Не спасись тебе от нашей
Красной Армии родной!*

Грinya ФИЛАНОВСКИЙ, 9 лет.

Да. Мы не высаживались в
Нормандии. Мы просто дошли
до Берлина. Пешком.

**Дайте мне средства массовой информации и я из
любого народа сделаю стадо свиней.
Отними у народа историю – и через поколение он
превратится в толпу, а ещё через поколение им
можно управлять, как стадом.**

**Йозеф Геббельс - нацистский политик, министр пропаганды
фашистской Германии с 1933 по 1945 год.**

**Вы верите, что подвиг дедов и
прадедов для них свят?**

Рассказ танкиста

Был трудный бой.
Всё нынче как спросонку...
И только не могу себе простить:
Из тысяч лиц узнал бы я мальчонку,
но как зовут, - забыл его спросить.
Лет десяти-двенадцати. Бедовый.
Из тех, что главарями у детей.
Из тех, что в городишках прифронтовых
встречают нас, как дорогих гостей.
Машины обступают на стоянках,
Таскать им воду ведрами не труд.
Выносят мыло с полотенцем к танку
И сливы незрелые суют...
Шёл бой за улицу.
Огонь врага был страшен.
Мы прорывались к площади вперёд,
А он гвоздит, - не выглянуть из башен, -
И кто его поймёт, откуда бьёт.
Тут угадай-ка,
за каким домишком он примостился –
столько всяких дыр!
И вдруг к машине подбежал парнишка:
«Товарищ командир! Товарищ командир!

Я знаю, где их пушка... Я разведал...
Я подползал, они вон там, в саду»...
«Да где же? Где?»
- «А дайте, я поеду на танке с вами,
прямо приведу!»
Что ж, бой не ждёт.
«Влезай сюда, дружище...»
И вот мы катим к месту вчетвером,
Стоит парнишка, мимо пули свищут, -
И только рубашонка пузырём.
Подъехали. «Вот здесь!» И с разворота
Заходим в тыл и полный газ даём,
И эту пушку заодно с расчётом
Мы вмяли в рыхлый жирный чернозём.
Я вытер пот. Душила гарь и копоть.
От дома к дому шёл большой пожар.
И помню, я сказал: «Спасибо, хлопец...»
И руку, как товарищу, пожал.
Был трудный бой.
Всё нынче как спросонку.
И только не могу себе простить:
Из тысяч лиц узнал бы я мальчонку,
Но как зовут, - забыл его спросить.

Александр Твардовский